

© 2009 г.

Член-корр. РАН В.П. КОЗЛОВ

ОТ ПРЕОДОЛЕНИЯ МИФОВ ИСТОРИИ К ПОИСКАМ РЕАЛИЙ ПРОШЛОГО

История привлекательна своей внешней доступностью и внешней простотой ее постижения. Потому-то сегодня мы видим буквально шквал произведений на исторические темы, авторами которых являются (формально и не формально – в соответствии с их служебным статусом) профессиональные историки, известные и малоизвестные журналисты, писатели, сценаристы, политологи, политики. История все больше и больше становится похожей на игральные кости, где автор-сочинитель становится победителем, получив случайно наивысший или больший расклад.

С самого начала понимаю угрозу главного – оказаться в рамках публицистического восприятия истории, которые не так давно были продемонстрированы на страницах "Российской газеты" участниками дискуссии по поводу выстраданной и убедительно документированной статьи А.И. Солженицына о событиях февраля 1917 г.¹

Очень не хотелось бы видеть в связи с этим осуждающие глаза не самых худших знатоков и носителей конкретного исторического знания – моих коллег историков-архивистов, принципиально далеких от политологических оценок и политических конструкций, для которых вряд ли приемлема пословица "Каждому воробушку – по зернышку, – чтобы проглотить успел и нужду справил".

Мы должны констатировать: есть просто "прошлое", есть "актуальное" прошлое, есть "история" как "прошлое" и есть "реалии и мифы" этой истории. Каждое из этих понятий не то, чтобы не совпадают, не то, чтобы не пересекаются, но и не являются по большому счету равнозначными. Строго говоря, "реалии" истории, т.е. того, что общепринято, не подвергается отрицанию или сомнению, не так уж и много. Это факт, событие или их совокупность, подтвержденные документально или другим физическим способом. Следующие "реалии" – доказательно установленные неочевидные связи между фактом, событием. Например, вполне доказательна связь краха Романовской монархии и Первой мировой войны. Все остальное, начиная от интерпретации фактов, событий и связей между ними, и кончая выявлением исторически значимых явлений и процессов и построением на их основе исторических концепций, есть ничто иное как, в лучшем случае, реконструкции произошедшего, основанные на общепринятых фактах, на домыслах, гипотезах, предположениях, вероятностях. В худшем же случае, это ничто иное, как мифы.

Говоря об исторических мифах, следует понимать их разноплановость. Есть мифы, перешедшие в народное сознание в процессе своего нередко многовекового бытования. Такие мифы, ставшие частью национального самосознания, этой частью и останутся. И не надо на них посягать. И есть исторические мифы нашего времени, сознательно создавае-

Козлов Владимир Петрович – член-корреспондент РАН, руководитель Федерального архивного агентства (Росархива), Государственный советник Российской Федерации I класса.

Публикуемый текст – доклад автора на VIII Международных Лихачевских научных чтениях, состоявшихся в Санкт-Петербурге 22–23 мая 2008 г.

¹ *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией. – Российская газета, 27.II.2007.

мые как один из инструментов в широком смысле информационной войны, в наше время даже специальными институтами. О таких исторических мифах следует сказать особо.

Есть мифы, основанные на сфальсифицированных документах, выдаваемых за подлинные исторические источники. С помощью общепринятых научных приемов анализа выявить и доказать такую фальсификацию не так уж и сложно, хотя имеются документы пограничного характера, например, воспоминания Распутина.

Меня, приблизительно до 1995 г. старательно отслеживавшего все публикации о так называемой "Влесовой книге"² в связи с подготовкой монографии "Тайны фальсификаций", в начале 2000-х годов поразила кандидатская диссертация Н.А. Соболева, посвященная этому документу как фальсификации и бытованию этой фальшивки уже в новой России³. Масштабы внедрения этого подлога в общественное сознание россиян, в частности с помощью Интернета, оказались огромны. Разумеется, в данном случае сработал фактор "обратного запретительства": тотальный идеологический контроль, существовавший в советское время, превратил этот подлог в некий загадочный, скрывавшийся по идеологическим причинам памятник истории. Августин Блаженный был прав, когда писал со свойственным ему цинизмом и откровенностью, что "большей частью мы скрываем истину не при помощи лжи, а с помощью умолчания". В новой России "Влесова книга" была обречена на то, чтобы обрести свободу. И она действительно обрела свободу, но свободу не истины, а вседозволенности ее интерпретаций, с игнорированием элементарных, общепринятых принципов, норм и знаний любого исторического исследования. Коммерциализация "Влесовой книги" стала еще одной причиной феномена ее бытования в современной России.

Но все же не только эти причины породили случившийся феномен. Среди них – растерянность общественного сознания страны в переходный период ее истории, когда происходит разрушение прежних, в том числе и ложных, представлений, включая и исторические. Растерянность не может привести к созиданию нового, не отягощенного моноидеологией, свободного знания о мире, об обществе, о человеке, о месте России и ее народов в прошлых и современной цивилизациях. Эта растерянность является, например, благодатной почвой для пересмотра хронологии человеческой истории и истории России в работах академика А.Т. Фоменко и его коллег⁴.

Имеют место явные мистификации фактов, событий прошлого. Керенский, убегающий из Петрограда в 1917 г. в женском платье, – одна из них. На основе имеющихся документов, с помощью общепринятого инструментария не столь и трудно доказать домысел, вероятность или невероятность. Рано или поздно, так и случается. Например, так произошло с комплексом документов, касающихся финансирования большевиков со стороны германского правительства накануне революционных событий 1917 г. в России.

Есть исторический миф-явление, исторический миф-процесс. Их опровержение представляет собой самостоятельное сложное исследовательское предприятие с неизвестным или трудно доказуемым результатом. Такое опровержение нередко может стать очередным историческим мифом-явлением, мифом-процессом. Стал ли Берия после смерти Сталина реформатором, чьи идеи потом подхватил Хрущев, или же Берия руководствовался обычными личными политическими интересами момента – это лишь один из примеров мифов-явлений.

Очень трудно, порой, если ориентироваться на современную безусловно свободную, хотя и ангажированную по разным причинам и основаниям историографию, понять, что перед нами: доказанные явление и процесс прошлого, или не доказанные, но внедряемые в общественное сознание исторические мифы-явления, мифы-процессы.

² "Влесова книга" впервые опубликована в 1950-е годы и якобы представляет собой записи по древнейшей истории славян. Большинство исследователей считают ее фальсификацией.

³ Соболев Н.А. "Влесова книга" в свете историографии фальсификаций и издательской практики XX в. М., 2002. (Автореферат канд. дисс.).

⁴ См.: Мифы "новой хронологии" академика А.Т. Фоменко. – Новая и новейшая история, 2000, № 3.

В какой-то степени одним из инструментариев такого понимания является типология мотивов возникновения действительных мифов прошлого и настоящего.

Самые простые и очевидные мотивы – заблуждения человека, историка, неосознанно вводящие в такие же заблуждения других. С этой точки зрения вполне понимаю некоторых прошлых и современных историков, положивших в основу своей методологии идею о том, что в России всегда шла борьба между патриотами, желающими стране добра и процветания, и некоей "пятой колонной", главной задачей которой было и есть ее разрушение. Мир сегодняшний и мир прошлый с позиций такой методологии выглядит простым и понятным. Грубо говоря, эта методология основывается на взгляде сквозь прицел трехлинейки времен Гражданской войны – в прицеле виден только враг, даже тогда, когда войны нет.

Следующие мотивы, подчас уже более хитроумные, – это сознательные умыслы, преследующие личные или некие общественные интересы. Современный мир – это хаос, а уж его история – тем более. Так можно определить исторические изыскания академика А.Т. Фоменко и его последователей, разрушающих не явления и процессы прошлого, а его факты и события и на основе такого разрушения предлагающих мифы-явления и мифы-процессы прошлого.

И, наконец, самые сложные и изощренные мотивы – это политические интересы корпоративных сообществ и государств. Как правило, эти мотивы определяются ситуационными, среднесрочными и даже долгосрочными политическими целями. При этом важно понимать фундаментальность таких интересов. Едва ли не все крупные и значимые историографии нового времени, времени становления современных национальных государственных образований выросли на идее национального самосознания. Тацит, описавший разложение Рима, для таких историографий был и всегда останется неприемлем. Отсюда воспевание всего героического и игнорирование или изыщное объяснение всего того, что в теорию героического не вписывалось. Уже в Новое время мистификация истории получила свое широкое распространение и обосновывалась воспитательной ролью истории для граждан нарождающихся государств. По такому пути сегодня пошла, например, современная официальная украинская историография. Никто не сможет оспорить, что в общественно-политической мысли, среди представителей украинского политического сообщества на протяжении столетий после добровольного и законного вхождения Украины в состав России культивировалась идея "самостийности", в разные времена подкреплявшаяся и реальными действиями реальных политических сил. Можно спорить о том, были ли они маргинальными или преобладавшими, но подавлявшимися некими внешними силами. Но невозможно отрицать нахождение Украины как части целого в некоем государственном образовании, равно как и трактовать те или иные события собственно украинской истории, являвшейся общей для государства, в которое она входила, в зависимости от того, выгодны или невыгодны они для современной Украины.

Разумеется, политические мотивы мифологизации истории со временем неизбежно меняются. Возьмем отечественную историографию. Карамзинская модель отечественной истории оставалась популярной и признанной в России едва ли не весь XIX в., объединив идеи государственности, российской народности, гражданской нравственности и православия. Марксистская модель, использовав наработки Ключевского, изычно и внешне, как и у Карамзина, вполне убедительно представила российский исторический процесс в виде смены общественно-экономических формаций и борьбы классов, приведших к буржуазно-демократической и социалистической революциям. Историография периода перестройки сделала историю России, во всяком случае, XX в. сплошным месивом крови, страданий, пота и слез. Историография новой России пытается основать свою методологию на поиске "праотеческих добродетелей", патриотизме и соединить их с идеалами рыночной экономики и демократии.

И кто скажет, что по-своему не были правы представители всех этих четырех (мы, разумеется, назвали не все течения российской историографии) историографий. Было российское государство как мощнейший элемент укрепления России и как элемент угнетения, подавления. Были беспощадные народные движения, коллективизация,

ГУЛАГ, победа в Великой Отечественной войне, высокие духовные порывы и выдающиеся экономические свершения капиталистической России и СССР. Все эти и прочие историографии приспособляли себя к "актуальному настоящему", а то и вовсе были его простым порождением.

Но, может быть, в других странах все иначе? Может быть, мы – другие и только у нас "непредсказуемое прошлое"?

Это далеко не так. Цитирую шведского посла в России Ю. Муландера – его ответ (от 30 января 2007 г.) на предложение Центрального штаба Международной акции-проекта "Мы – наследники Победы!" принять и Швеции участие в праздновании 300-летия Полтавской битвы и Победы при Лесной: "Полтавская битва – важное историческое событие и для Швеции. Она стала поворотным моментом – с этого времени начался отход Швеции от великодержавия, сопровождавшийся постепенным сокращением территории, в результате чего наша страна вернулась к естественным географическим и этническим границам... Как ни парадоксально, в исторической перспективе польско-датско-российская агрессия 1700 года пошла на пользу шведскому государству. Правда, в XVIII и XIX вв. в Швеции еще сильны были патриотические и реваншистские настроения. Устанавливались памятники, обычным явлением была патриотическая риторика о подвигах и старинных битвах... Границы Швеции, установленные по условиям Столбовского мира (1617 г.) и Вестфальского мирного договора (1648 г.), воспринимались как знак могущества собственного государства. Под влиянием романтики процветала подтасовка исторических фактов: наши монархи изображались героями, а противник высмеивался (например, бегство Петра I из Нарвы до боя). Такие проявления вряд ли приемлемы в сегодняшней Швеции, исключая разве что некоторые самые маргинальные группы"⁵.

В словах посла – квинтэссенция политического восприятия шведской истории. Швеция сегодня – маленькая процветающая страна, поэтому причины этого среди прочего теперь можно найти и в том, что поражение в Полтавской битве стало толчком к ее благополучию сегодня. Правда, два столетия, а то и больше, "патриотические и реваншистские" историки, теперь ставшие маргинальной группой, смотрели на шведскую историю через статьи Столбовского и Вестфальского мирных договоров. Теперь такой взгляд не нужен. Почему же? Да потому что в современных мировых реалиях он невозможен. Заодно между строк и России рекомендовано вернуться к "естественным географическим и этническим границам", вероятно, Московии как залого ее будущего процветания на шведских основаниях.

Итак, перед нами изящное самооправдание настоящего смелой и неординарной, с позиции современной России, трактовкой случившегося несколько веков назад. Может ли принять сегодняшняя Россия современную шведскую методологию истории? Конечно же, нет. И вовсе не в силу своих имперских традиций и каких-то современных амбиций, которых попросту нет, а в силу своего права на существование в своих теперешних географических и этнических границах и осознания ответственности за судьбы своих соотечественников при новом, многим желанном, шагреневом возвращении в некие этнические и географические границы Московии.

Для простых россиян в XX в. большая часть исторической памяти ограничивалась их детством, отрочеством, юностью, запоминанием ярких событий в жизни родителей. Деды и бабушки, тем более прадеды, были либо сознательно очерчены запретами на память о них, либо казались "недотепами", не предвидевшими или не понявшими прогресс, который обещал социализм. Для них Киж и Владимир, Москва и Нижний Новгород казались выросшими сами по себе в дали веков, подернутой романтической дымкой не столько незнания, сколько непонимания и неузнавания деяний своих предков.

С середины 80-х годов прошлого века начался процесс преодоления этого незнания, непонимания и неузнавания своего прошлого, возвращения к тем позициям его преодоления, которые были достигнуты в России ее исторической наукой к 1917 г. и их даль-

⁵ См.: Российская газета, 23.V.2008.

нейшее развитие. Характерными чертами этого процесса стали радикализация представлений об истории и демократизация желания ее постигнуть.

Говоря о первой черте этого процесса, я имею в виду преобладающие до сих пор политизированные восприятия истории. В каждом из таких восприятий были и есть свои нюансы, однако в целом они тяготеют к одному из двух полюсов: или история России – это сплошная крошечная тьма несчастий, преступлений, подавления свобод, подчинения личности государству, неудачных попыток жизненно необходимых обновлений; или история России – это образцовое прогрессивное движение в благоденствующее будущее, едва ли не всегда тормозившееся происками тайных темных сил, а то и вовсе их усилиями ввергавшее Россию, как, например, это было в 1917 г., в пучину бед.

Вторая черта процесса нового постижения отечественной истории стала показательной для новой России. Пожалуй, наиболее ярко она проявилась в интересе россиян к своим конкретным предкам, вызвав бум генеалогических исследований. Вплоть до начала XX в. монополия на память о предках в России принадлежала дворянству, хотя робкие и нередко успешные попытки разделить с дворянством эту монополию предпринимали и отдельные представители купеческих родов. Простой, обычный россиянин не мог позволить себе ни собственных генеалогических разысканий, ни заказа на них. Это притом, что сведения о многих из них в изобилии сохранялись в российских архивах. Да, вероятно, занятый разрешением проблем повседневности, обычный россиянин и не задумывался над тем, откуда он. В советское время подобный интерес для многих граждан СССР был просто опасен по своим последствиям – лишь избранные, вроде С.В. Михалкова, могли получить, преодолевая вереницу административных и идеологических заслонов, возможность изучения истории своего рода и даже документальную память о нем для гарантированного сохранения переместить из провинциального архива в один из центральных архивов СССР.

90-е годы ушедшего столетия прошли под знаком разрушения "принципа избранности" на память о предках, в силу обстоятельств существовавших в императорской России, – с одной стороны, и "принципа забывания" предков, по идеологическим и политическим причинам поддерживавшегося в СССР, – с другой. Не все, конечно, но наиболее активные граждане страны, захотели узнать, откуда они. Понятен и объясним естественным человеческим честолюбием интерес к предкам современных российских государственных деятелей – доказательство наличия у них "голубых кровей" или рабоче-крестьянского происхождения в третьем-пятом поколениях в любом случае было символически значимым: российское общество к этому времени уже научилось уважать и то и другое. Зато куда важнее стал интерес к своим предкам "рядовых" граждан России. Многотысячный поток их запросов в архивы страны отразил внешне незаметное, но важное общественное явление – желание через судьбы предков познать историю своей страны. Сегодня для этого почти не осталось препятствий. Те, что имеются, принадлежат или завещаны времени, которое неизбежно их устранил – лет через сто или двести, когда кровоточащие раны истории нашей страны в XX в. станут упругими рубцами, уже не требующими ни хирургического, ни терапевтического вмешательства, а то и просто зарастут незаметно.

Понятие истории как реконструкции прошлого сегодня особенно стремительно компрометируется. Политические мотивы интерпретации истории, которые всегда не пользовались авторитетом и уважением у неангажированных историков, ныне становятся самодовлеющими и как бы естественно необходимыми. И я имею в виду не только Россию. Как и у каждой страны, в ее истории есть чем гордиться, что осуждать и над чем печалиться. Куда опаснее, что никто не желает открыть правду истории, через нее – постигнуть истину, и, на ее основе восстановить справедливость. Пусть эта справедливость уже ничего не значит для поруганных и преданных людей прошлого – их уже нет. Но, может быть, она что-то будет значить для нас, живущих сегодня.

Решение этой задачи совсем не невозможное. Если бы было только общее желание и общее согласие в ее достижении. Сегодня этого нет. Современные рассуждения об истории мне все больше и больше начинают напоминать картинки, которые возникают при прокручивании примитивного механического прибора под названием калейдоскоп. Вот

и крутят его историки, политики, политологи, изменяя проекцию имеющихся в нем камушков меж трех зеркальных плоскостей, пытаясь в их хаотическом отражении найти нечто понятное для себя, а потому близкое, чтобы затем в очередной раз громко заявить о некоем тезисе, который, в череде других, уйдет невозвратно.

Современная историография (подчеркну, что говорю не только о российской) в самых разных проявлениях ее различных течений в значительной степени ориентирована на быстрый успех – политический, политологический, общественный, материальный, просто личный. Какие страсти, теперь освобожденные от цензуры, бушуют в ней! В погоне за быстрым успехом ей некогда заниматься первоисточниками, идти от них к выводам. Проще всего эти выводы набросать для себя в виде тезисов, а потом подкрепить их цитатами из документов, тем более что такие цитаты обязательно найдутся. Иначе говоря, "приноровить" историю к настоящему. Это всегда сделать легче, безопасней. Известный марксистский историк М.Н. Покровский как-то заметил, что история – это политика, опрокинутая в прошлое. У этой примитивной, но точной с позиций реалий не только сегодняшнего, но и вчерашнего дня формуле представления об истории, есть более древняя, более изящная и не менее циничная формула-предшественница, предложенная Августином Блаженным: "Есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего". Иначе говоря, истории как таковой нет, есть лишь наше постоянно изменяемое настоящим представление о ней.

Современное человечество за время своего сознательного, а это значит, документированного, существования в своей истории всегда видело и будет видеть, прежде всего, политически значимые для современности факты, события, явления и процессы прошлого. И в соответствии с каждой сиюминутной политической актуальностью интерпретировать их, рождая не столько новое историческое знание, сколько новые мифы. В современном мире для их внедрения нет и не может быть препятствий, даже если, опасаясь за будущее мировоззрение своих граждан, против них выступит государство с его обязательным и оправданным желанием построения определенной идеологии, в том числе опирающейся на историю.

И иного власти не дано. В условиях плюрализма общества во взглядах на современность и прошлое, в условиях невозможности консенсуса должна быть выработана некая компромиссная, примиряющая всех нас концепция, обеспечивающая "арифметику" восприятия истории и, в меру наших сил, опираясь на нее, такое же отношение к сегодняшнему. Любому государству нужна "историческая арифметика", так же как человеку – обычная арифметика. В мире не было, и вряд ли будут, государства, которые бы не использовали историю для достижения определенных политических целей – в борьбе ли с другими государствами, в воспитании граждан в духе патриотизма, для достижения иных, благородных или корыстных, целей.

Разумеется, в такой "исторической арифметике" должны быть предупредительно обозначены все те опасности для современного государства Российского, которые однозначно проявили себя, например, в XX в. Сегодня понятие и понимание истории и не только в России стремительно компрометируются именно своей политической и идеологической заданностью. Поэтому для тех, кто, несмотря на существование такой заданности и давления с ее стороны, еще не утратил понимания значения принципов и приемов исторического познания как познания научного и желания и умения применять их, важно отмежеваться от приверженцев заданности. Для таких исследователей должно стать ближе понятие "прошлого". Прошлое, разумеется, – тоже история. Но оно все же несколько иное. Оно структурируется в исторических исследованиях как повседневная жизнь народа, социальных групп, человека в ее многочисленных проявлениях. Набор "структур" или показателей такой повседневности может быть бесконечным – каждое мгновение современности обнаруживает свой, особый интерес к той или иной повседневной жизни прошлого. Раскрытие, описание и объяснение таких черт повседневности позволяет выявить и доказательно охарактеризовать некие явления, процессы и даже закономерности и их особенности человеческой истории в истории народов, социумов и людей. При таком подходе историческая истина бывает очевидной и доказательной.

Иначе говоря, понимание истории как прошлого включает, по крайней мере, два аспекта – аспект "лаптеведения" как истории повседневности и аспект "человечины", "людоведения" как судьбы конкретного человека, людских сообществ. Такой подход дает возможность реконструировать реальную жизнь реального человека в реальное мгновение прошлого.

И это уже не "арифметика", а, если угодно, "теория относительности" прошлого, смысл которой в том, чтобы восстановить, объяснить и понять прошлое таким, каким оно было для конкретного человека в реальной среде его жизни и бытования.

Тогда "прошлое" не будет выглядеть "ни актуальным", ни "не актуальным", тогда в нем мы будем видеть не "реалии", не "мифы", а только счастливую и несчастную, возвышенную и простую, честную и бесчестную жизнь людей ушедшего времени. Тогда эта жизнь, освобожденная от брони политики и идеологии, станет нам понятней и ближе. Через такую "реконструированную жизнь" станет понятней и история государства, страны и народов, ее населяющих.

Разумеется, восстанавливая такую жизнь нельзя не испытывать изначально к ней уважения и сострадания. Принцип уважения к прошлому и сострадания к нему вовсе не означает сокрытия или восхваления его неприятных, трагических страниц, фактов, явлений, процессов. Он означает признание случившегося как уже непоправимого, как не просто урока, который необходимо знать в конкретный момент бытия, но урока поучительного, о котором, по меньшей мере, необходимо помнить.

Не лишним будет напомнить и о еще трех принципах реконструкции и оценок прошлого. Первый: сохранение и обеспечение безопасности государственности как одного из условий обеспечения благополучия дома, в котором живет хотя бы одно поколение граждан страны и конкретный человек. Второй: неотъемлемость честно заработанной человеком и его предками собственности, которой законные наследники вправе распоряжаться как угодно. Третий: справедливость в распределении общенационального достояния, применительно к России в первую очередь связанного с ее природными ресурсами.

Для реализации и подхода к истории как к прошлому, "лаптеведам" и "людоведам" приходится потеть, понимая к тому же, что их успех будет известен и признан очень узким кругом специалистов. К сожалению, проблематика их исследований разрознена, клочковата, не имеет единого, общего плана. Каждый выращивает свой одинокий и разный цветок в своем садике на рабочем столе. И поэтому пока лишь приходится надеяться на то, что кто-то когда-то сведет их разрозненные выводы о частностях прошлого в общую и единую конструкцию и из всех разных и отдельных цветов вырастит настоящую клумбу.

Архивы – это почва, на которой может вырасти такая клумба. Хранящиеся в них документы наряду со средствами массовой информации являются одним из важнейших источников для изучения прошлого. Они замечательны своим не только временным, но и географическим охватом прошлого, приближением к повседневности и жизни значительной части конкретных людей и их сообществ. Именно в них зафиксированы мгновения ушедшего времени. Да, почти всегда такая фиксация субъективна – она отражает субъективность человеческого восприятия мира. Но для постижения прошлого человечеству (за небольшим исключением) просто иного не дано.

Понимание и узнавание далекой и недавней повседневности российского прошлого, ее сравнение с настоящим (да еще в сопоставлении с повседневностью прошлого и настоящего других стран) позволяет, по крайней мере, приблизиться к постижению истины российской истории. Движение к такому постижению исторической истины в российской исторической науке обозначилось в 90-е годы XX в., когда для серьезных исследователей изучение документов, подготовка их документальных публикаций стали более важным занятием, нежели подготовка собственно исторических исследований. Оно исключает оценки прошлого только сквозь призму современного состояния России, не самого блестящего в ее тысячелетней истории. В основе этого движения является убеждение в том, что необходимо постижение прошлой повседневности через первоисточники, через живой, хотя почти всегда и повсеместно ангажированный, голос их авторов. Мне кажется, что для действительной исторической науки это есть (и останется на ближайшие годы) основной путь восстановления исторической памяти России.